

ТАТЬЯНА СТОЙКОВА

Вентспилская высшая школа, Латвия

ИЗУЧЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ МЕТОДОЛОГИИ УРИЭЛЯ ВАЙНРАЙХА

Языковая ситуация в Латвии всегда характеризовалась и характеризуется как мультилингвальная. Здесь на протяжении многих веков соседствовали (и продолжают соседствовать) разные народы, культуры и языки, а основными контактными языками являлись латышский (изначально в виде древнелатышских диалектов), русский (сначала древнерусский) и немецкий (сначала средненижне немецкий, а затем сменивший его верхне немецкий)¹. В разные исторические периоды соотношение контактирующих языков менялось; ядро современной языковой ситуации формируют контакты латышского языка как государственного и русского — как языка самого крупного меньшинства Латвии.

Общеизвестно, что всесторонний анализ билингвальной / мультилингвальной языковой ситуации включает и изучение процессов *межъязыковой интерференции* (в дальнейшем *интерференция*) как одного из следствий контактирования языков. Для комплексного изучения интерференции лингвистических методов недостаточно, но, так как интерференция — это результат скрытого внутреннего механизма взаимодействия языков, причины интерференции можно установить именно лингвистическими методами: на основе тщательного научного сопоставления грамматических систем взаимодействующих языков выявив сходства, частичные сходства и различия, мы обнаружим

¹ И.С. Кошкин, *Русско-германские языковые контакты в грамотах Северо-Запада Руси XII–XIV вв.*, Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург 2008, с.15.

и потенциальные зоны интерференции, то есть те области, где вероятнее всего происходят нарушения той или иной языковой нормы одного языка под влиянием другого. Впрочем, как справедливо утверждает Уриэль Вайнрайх, не все выявленные теоретически потенциальные формы интерференции реализуются на практике. Реальная картина проявлений интерференции может значительно отличаться от прогнозируемой, так как зависит от множества внеязыковых факторов. Полное описание интерференции возможно только с учетом спектра экстралингвистических (психологических, социокультурных) факторов, на которые указывает Вайнрайх².

Наше лингвистическое исследование фонетической интерференции в ситуации контактов русского и латышского языков на территории современной Латвии основывается на типологии, предложенной У. Вайнрайхом, который выделил четыре типа явлений фонетической интерференции: недодифференциация фонем, сверхдифференциация фонем, реинтерпретация (или переосмысление) различий и субституция звуков (понимаемая в узком смысле)³. Данная типология, как результат обобщения сопоставительно-контрастивного анализа фонетических систем любых двух индоевропейских языков, может эффективно использоваться в качестве теоретической базы лингвистического исследования интерференции. Применение типологии Вайнрайха дает высокую степень точности при классификации факторов фонетической интерференции, прогнозировании и объяснении фонетических нарушений вторичной звуковой системы.

Цель статьи — показать системное применение типологии в современной ситуации языковых контактов русского и латышского языков в Латвии, теоретически обозначив основные потенциальные зоны как латышско-русской, так и русско-латышской интерференции. Подобное моделирование может стать основой практического изучения студенческих и других социальных идиолектов в Латвии.

В ситуации латышско-русской интерференции исходным, первичным, языком является латышский, вторичным, испытывающим влияние, — русский; в случае русско-латышской интерференции наоборот: исходный язык — русский, вторич-

² У. Вайнрайх, *Языковые контакты*, «Вища школа», Киев 1979, с. 25–26.

³ Там же, с. 45–46.

ИЗУЧЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ...

ный, подвергающийся влиянию, — латышский. Основные зоны интерференции связаны с вокалами, так как отличия фонетических систем русского и латышского языков «наблюдаются главным образом в вокализме»⁴. В дальнейшем мы будем учитывать данные сопоставительного анализа фонетических систем русского и латышского языков, который предпринимался известными латвийскими лингвистами Янисом Розенбергсом и Марией Ф. Семёновой⁵.

НЕДОДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОНЕМ: ЛАТЫШСКО-РУССКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Недодифференциация фонем «происходит, когда смешиваются такие два звука вторичной системы, соответствия которым в первичной системе не различаются»⁶. Это означает, что в исходном языке нет фонем, которые есть во вторичном языке. Недодифференциация фонем проявляется в том, что билингв заменяет, отождествляя, две фонемы второго языка одной, которая есть в его первичной системе. Например, в латышском языке при значительном количественном превосходстве вокалов (22 фонемы), нет фонемы /ы/, переднего ряда смешанного подъёма. Надо сказать, что в русской лингвистике между Московской и Санкт-Петербургской (Ленинградской) фонологическими школами (МФШ и СПбФШ) имеются разногласия относительно существования фонемы /ы/. Представители МФШ (Рубен И. Аванесов, Александр А. Реформатский и др. видные фонологи) считают, что самостоятельной фонемы /ы/ нет, есть вариант фонемы /и/, тогда как представители СПбФШ (Лев В. Щерба и его последователи — Маргарита И. Матусевич, Лев Р. Зиндер и др.) выделяют /ы/ как отдельную фонему⁷, благодаря чему ко-

⁴ М. Семенова, *Сопоставительная грамматика русского и латышского языков*, SIA „Vārds”, Рига 1994.

⁵ J. Rozenbergs, *Latviešu un krievu valodas fonēmu salīdzinājums*, P.Stučkas Latvijas Valsts universitāte, Rīga 1969; М. Семенова, указ. соч.

⁶ У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с. 45.

⁷ В исследовании, посвященном проблемам фонетики, выдающийся русский лингвист Лев В. Щерба дал количественную и качественную характеристику русских гласных фонем, в том числе /ы/, выделив ее как самостоятельную фонему. (см. Л.В. Щерба, *Русские гласные в количественном и качественном отношении*, Наука, Ленинград 1983).

личество гласных фонем в русском языке, с точки зрения этой школы, составляет 6 фонем («москвичи» выделяют 5 вокалов). Классификация фонем в концепции Л.В. Щербы основывается на их физиолого-акустических свойствах⁸. Рус. /и/ (переднего ряда) и /ы/ (смешанного ряда) — разные фонемы, так как различаются физиолого-акустическими характеристиками⁹.

Мы, в согласии с традицией СПбФШ, рассматриваем фонему /ы/ как самостоятельную фонему. Латыш, говорящий по-русски, использует фонему /i/ на месте как русской фонемы /и/, так и фонемы /ы/¹⁰: в латышском языке фонема /i/ реализуется как после мягких, так и после твердых согласных. В результате в русской речи билингва-латыша, как показано в транскрипциях, не различаются звуки *и* и *ы*: *мыл* [mil] — *мил* [mil]; *быть* [bit'] — *бить* [bit'] , *пыл* ('страстность') [pil] — *пил* [pil]; *пылить* ('поднимать пыль') [pil'ik] — *пилить* [pil'ik]¹¹ и т.д. Приведенные транскрипции русских слов отражают также интерференцию по принципу недодифференциации фонем, наблюдаемой и в консонантной системе. В русском консонантизме ярко выражена оппозиция согласных по признаку «твердость / мягкость»: из 18 мягких согласных 15 вовлечены в эту оппозицию, кроме того, три твердых фонемы, /ш/, /ж/, /ц/, и три мягких, /j/, /ч'/, /ш':/, не имеют пары. В латышском консонантизме всего 6 палатальных согласных, и только две имеют «твёрдую» пару: /l̥/-/l/, /ŋ̥/-/n/; остальные являются мягкими непарными: /k̥/, /g̥/, /j/, /č̥/. Билингв-латыш вместо мягких согласных, отсутствующих в его исходной системе, использует твердые, а мягкие /t'/ и /d'/ заменяет субститутами /k/ и /g/, как показано в транскрипции (подробнее об этих фонемах см. ниже).

⁸ Ю.С. Степанов, *Основы языкознания*, Просвещение, Москва 1966, с. 30.

⁹ М.И. Матусевич, *Введение в общую фонетику*, Учпедгиз, Ленинград 1948, с. 62, 66.

¹⁰ Смешение фонем /и/ и /ы/ отражается и на письме, так как нарушается правильное звуко-буквенное соответствие: билингв-латыш вместо буквы *ы* пишет *и*. В этом случае мы имеем дело с фонетико-графической интерференцией.

¹¹ Большая часть примеров, данных в статье и отражающих все анализируемые типы интерференции, есть результат наблюдений автора; в случаях, если примеры взяты из других исследований, авторство указывается в библиографической ссылке.

НЕДОДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОНЕМ:
РУССКО-ЛАТЫШСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

В ситуации обратной, то есть русско-латышской, интерференции вторичным выступает латышский язык. В вокальной системе первичного языка, то есть современного русского, нет открытых фонем /ɛ/–/ɛ:/ (/æ/–/æ:/), долгих фонем и дифтонгов — в отличие от латышского языка. Латышские гласные фонемы (12 монофтонгов) образуют оппозицию по дифференциальному признаку краткости /долготы: /i/–/i:/; /e/–/e:/; /ɛ/–/ɛ:/ (/æ/–/æ:/); /a/–/a:/; /u/–/u:/; /o/–/o:/¹². Количественно краткие и долгие латышские гласные соотносятся примерно как 2:5 (1: 2,5)¹³. Пять кратких латышских гласных по дифференциальным признакам (ряд, подъем, огубленность) соответствуют русским фонемам: латыш. /i/ – рус. /и/, латыш. /e/– рус. /е/, латыш. /u/– рус. /у/, латыш. /o/– рус. /о/, латыш. /a/– рус. /а/, — однако не совсем с ними совпадают по артикуляционным характеристикам. Русский билингв, изучающий латышский язык, отождествляет долгие и краткие латышские гласные и, опираясь на первичную систему родного языка и сформированные произносительные навыки, использует на месте тех и других только краткие, кроме того, вместо широких краткой /ɛ/ и долгой /ɛ:/ русский билингв использует русскую фонему /е/, более узкую, и произносит латышские слова следующим образом (в круглых скобках дается правильное произношение): *elpa* ‘дыхание’ [elp] а ([ælpɑ]); *tēvs* ‘отец’ [te]vs ([tæ:vs]); *dēls* ‘сын’ [de]ls ([dæ:ls]); *mēs* ‘мы’ [me]s ([mæ:s]); *ņēma* ‘взял’ [n’e]ma ([n̥ æ:ma]); *cēlusi* ‘подняла’ [ce]lusi ([cæ:lusi]); *sens* ‘древний’ [se]ns ([sæns]); *cepu* ‘пеку’ [ce]pu ([cæpu]); *estū* [es]tu ([æsmu]) форма настоящего времени первого лица от глагола *быть* и др.

В литературном латышском языке 10 дифтонгов: /ai/, /au/, /ei/, /eu/, /ie/, /iu/, /oi/, /ou/, /ui/, /uo/ (o)¹⁴. По принципу недодифференциации латышские дифтонги также являются источником интерференции, однако не все. Здесь следует разобраться в фонематической природе дифтонга как языковой единицы, чтобы понять, почему одни латышские дифтонги со-

¹² I. Auziņa un citi, *Latviešu valodas gramatika*, LU Latviešu valodas institūts, Rīga 2013, с. 41.

¹³ A. Laua, *Latviešu literārās valodas fonētika*, Zvaigzne, Rīga 1997, с. 25.

¹⁴ I. Auziņa, *Latviešu valodas gramatika...*, с. 45.

ставляют проблему произношения для русского билингва и провоцируют фонетическую интерференцию, а другие нет.

Известно, что основным фонетическим признаком дифтонга «считается то, что он представляет собой сочетание двух гласных, составляющих один слог»¹⁵. В теории дифтонга выделяют истинные и ложные дифтонги (терминология Льва В. Щербы). Истинные дифтонги «подлинно двугласные»: «их компоненты при сохранении целостности слога остаются фонетически равноценными [...] оба компонента являются гласными, ни один из них не превращается в «полугласный»¹⁶.

В латышском языке дифтонги делятся на бифонемы и монофонемы. Как монофонемы функционируют дифтонги /ie/, /uo/, поэтому они могут рассматриваться как долгие гласные¹⁷. Это истинные дифтонги, так как ни в в каких случаях с ними не происходит позиционных изменений и на месте второго компонента никогда не появляется полугласный или согласный звук. Они произносятся слитно, как единый скользящий звук (и артикуляционно, и акустически). Оба компонента истинных дифтонгов /ie/, /uo/ всегда участвуют в формировании вершины слога, в отличие от остальных латышских дифтонгов, которые позиционно могут выступать как неистинные (ложные).

Вершина слога — один гласный. Так как в русском языке нет долгих гласных и дифтонгов, а длина дифтонга равна длине долгого гласного, латышские дифтонги, особенно бифонемные, воспринимаются русским билингвом как два (кратких) гласных, принадлежащих разным слогам. В русском языке два гласных могут оказаться рядом — как вершины двух разных слогов. Такое положение возможно, как правило, в **займствованных словах** и в случае, если второй гласный непереднего / заднего ряда: *Ва-ла-ам*, *о-ке-ан*, *си-ту-а-ци-я*.

Известно, что слог является наименьшей произносительной единицей, и с произносительной стороны слог неразложим¹⁸. При артикулировании слога звуки произносятся не по отдельности, а «слитно», образуя произносительное единство. «Не-

¹⁵ Л.Р. Зиндер, *Общая фонетика*, Издательство Ленинградского университета, Ленинград 1960, с. 215.

¹⁶ Л.Р. Зиндер, *Общая фонетика...*, с. 216.

¹⁷ I. Auziņa, *Latviešu valodas gramatika...*, с. 46.

¹⁸ Л.В. Бондарко, *Звуковой строй современного русского языка*, Просвещение, Москва 1977, с. 280.

делимость слога с произносительной точки зрения, его целостность обусловлены тем, что он произносится одним импульсом мускульного напряжения произносительного аппарата. Речь представляет собой цепь таких импульсов, следующих друг за другом»¹⁹. В этом суть теории мускульного напряжения, описанная Л.В. Щербой, экспериментально подтверждённая и признанная фонологами, в том числе латышскими: «слоги образуются работой мускулов органов дыхания и речи [...] Работа мускулов наблюдается как напряжение и расслабление. Каждый акт мускульного напряжения и следующее за ним расслабление формирует слоги. Граница между слогами — это момент спада мускульного напряжения, за которым следует новый подъем»²⁰.

В русском литературном языке, в котором нет дифтонгов, слитное произношение двух гласных в слове невозможно. Каждый из них соотносится с разными импульсами мускульного напряжения, то есть с разными слогами. Истинные, монофонемные латышские дифтонги представляют для русского билингва особую сложность в произношении, неизменно порождая интерференцию: односложные слова *piens* ‘молоко’, *prieks* ‘радость’ произносятся как двусложные [p'i-jens], [pr'i-jeks]; двусложные *lielīt* ‘хвалить’, *lielisks* ‘великолепный’, *mierīgs* ‘спокойный’ — как трехсложные [l'i-je-l'it], [l'i-je-l'isks], [m'i-je-r'igs]; трехсложные *izliekums* ‘изгиб’, *piederēt* ‘принадлежать’ — как четырехсложные [iz-l'i-je-kums], [p'i-je-de-ret]. Кроме того, как показывают транскрипции, в этих же словах русский билингв по принципу недодифференциации использует краткие гласные (за отсутствием долгих в первичной системе), а по принципу сверхдифференциации — мягкие фонемы /p'/, /r'/, /m'/, которых нет в латышском консонантизме.

Дифтонг /uo/ (о) в латышских словах билингв заменяет русской фонемой /o/: *skolotājs* ‘учитель’ [sko-lo-tajs] вместо [skuo-luo-ta:js], *sapņot* ‘мечтать’ [sapn'ot] вместо [sapn'uoŋ], (*es*) *sapņoju* ‘(я) мечтаю’ [sapn'oju] вместо [sapn'uoju].

Выше говорилось, что латышские дифтонги-бифонемы в ряде случаев позиционно выступают как неистинные дифтонги. Это значит, что в некоторых фонетических позициях один из компонентов дифтонга (второй) не участвует в формировании вершины слога и характеризуется как неслогообразующий гласный,

¹⁹ Л.В. Бондарко, *Звуковой строй...*, с. 281.

²⁰ А. Laua, *Latviešu literārās...*, Zvaigzne, Rīga 1997, с. 99.

или полугласный²¹. Подобная ситуация возникает, когда при образовании нового слова или формы слова на месте второго компонента дифтонга появляются согласные [v] или [j]: *dzeinieks* [dzeinieks] ‘поэт’ — *dzeja* [dzeja] ‘поэзия’; *taus* [taus] ‘твой’ — *tava* [tava] ‘твоя’. Произношение таких бифонемных дифтонгов не вызывает затруднений у билингва, так как в русском языке есть аналогичные образования, называемые ложными дифтонгами (двугласными). Ср., например, в русских словах *дай* [dai], *ней* [r'eɪ], *пой* [poi] и в др. подобных глагольных формах повелительного наклонения, в притяжательном местоимении мужского рода *мой* сочетания /aj/, /ej/, /oj/, «представляют в фонетическом отношении ложные дифтонги, произносимые единым артикуляционным движением, в которых вторым компонентом является неударенное и редуцированное неслоговое [i]». Фонетически этот второй компонент „не равноценен первым компонентам дифтонгов [a], [e], [o]”, фонематически эти дифтонги разложимы, что доказывает их ложный характер²². Чтобы подтвердить разложимость так называемых дифтонгов на фонемы, достаточно образовать другие глагольные формы, где два компонента оказываются в разных фонемах и слогах. Ср.: *даю* [da-ju]; *пою* [pa-ju]²³ и т.д.

СВЕРХДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОНЕМ: ЛАТЫШСКО-РУССКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

При сверхдифференциации фонем «на звуки вторичной системы накладываются фонологические различия первичной системы там, где их не должно быть»²⁴, то есть сверхдифференциация наблюдается в случае, если в первичном языке есть фонемы, которых нет во вторичном языке. Как мы знаем, в литературном латышском языке значительно больше вокалов (22 фонемы), чем в литературном русском (6 фонем), поэтому в ситуации влияния латышского языка на русские гласные фонемы накладываются «избыточные» фонемы первичной системы — долгие гласные, открытые /e/ - /e:/ или дифтонги.

²¹ D. Markus, *Latviešu valodas patskaņu fonoloģiskā klacifikācija*, «Valoda un literatūra kultūras apritē. LU Zinātniskie raksti» 2000, 624, с.140.

²² Л.В. Бондарко, *Звуковой строй...*, с. 219.

²³ Данные примеры из книги Л.В.Бондарко, *Звуковой строй...*, с.219.

²⁴ У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с.45.

Латыш-билингв заменяет долгими гласными, или удлиняет, русские вокалы, например, в глагольных формах — *я приглаш[á:ju]*, *мы приглаш[á:je]м*, *они приглаш[á:ju]т*, *я ўжин[а:ju]*, *мы ўжин[а:je]м*, *я руг[á:ju]сь*, *мы руг[á:je]мся*. Конечно, «удлинение» гласных происходит избирательно, в определенных фонетических условиях, нередко под воздействием аналогий. Так, в приведенных словах действует аналогия с формами латышских глаголов на *-āt*, *-āties* (2 спряжение) и *-ināt* (3 спряжение), где в суффиксе [a:]: *aicināt* ‘пригласить’ (*es aicināju* ‘я приглашал’, *viņš aicināja* ‘он приглашал’), *lamāties* ‘ругаться’ (*es lamājos* ‘я ругаюсь’, *mēs lamājamies* ‘мы ругаемся’), *runāt* ‘говорить’ (*es runāju* ‘я говорю’, *mēs runājam* ‘мы говорим’). Здесь мы можем говорить о фонетико-морфологической интерференции.

Когда билингв-латыш в русской речи на месте гласной /е/ произносит открытые /ɛ/ или /ɛ:/: *цель* ц[æ·]ль, правильно ц[ɛ·]ль (ср. латыш. *mērķis* ‘цель’ m[æ:][rķis]; *мера* м[æ:]ра, правильно м[é]ра (ср. латыш. *mērs* ‘мера’ m[æ:][rs]); *эти* [æ:]ти, правильно [é·]ти и т.д. — мы также имеем дело с явлением сверхдифференциации фонем. Наложение фонологических различий, а именно «избыточных» фонем первой системы на вторую, проявляется и в замене русских гласных в речи билингва латышскими дифтонгами *ie*, *uo* (o), например, в словах: *мир* м[ie]р (латыш. *miers* ‘мир’); *место* м[ie]сто (латыш. *vieta* ‘место’); *школа* шк[uo]ла (латыш. *skola* ‘школа’); *хороший* хор[uo]ший (употребление дифтонга *uo* после русского *р* вызвано, вероятно, «фонетической» аналогией с латыш. *roka* r[uo]ка ‘рука’, *robeža* r[uo]beža ‘граница’, *rotāt* r[uo]tāt ‘украшать’ и др.).

Однако следует заметить, что произношение дифтонга *ie* в некоторых русских словах имеет обоснование с диахронической точки зрения. М.Ф. Семёнова, комментируя появление латышского дифтонга *ie* на месте так называемого старого «ятя» (ѣ): *место* (мѣсто), *хлеб* (хлѣб), *бѣлый* (бѣлый), *река* (рѣка) и др., указывает на неслучайность подобного произношения, так как в древнерусском языке на месте «ятя» произносился дифтонг *ie*, а в некоторых русских говорах это произношение до сих пор сохраняется: хл[ie]б, р[ie]ка, б[ie]лый, м[ie]сто²⁵; тогда как в диалектах, составивших основу русского литературного языка,

²⁵ М. Семёнова, *Сопоставительная грамматика...*, с. 31.

«ять» дал рефлексы [ʼe] в ударном слоге после мягкого согласного. Кроме того, напомним, что в литературном языке гласный [e] в ударном слоге (в начале слова и после мягкого согласного) «не совсем однороден в своём протяжении; он начинается с лёгкого [и]-образного приступа: произносится как бы [иe]»²⁶.

СВЕРХДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФОНЕМ: РУССКО-ЛАТЫШСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Рассмотрим обратную ситуацию – интерференционное влияния русского языка на латышский. И здесь принцип сверхдифференциации фонем зеркально отражает принцип недодифференциации в ситуации латышско-русской интерференции. В первичном (русском) языке, как говорилось выше, выражена оппозиция согласных по твёрдости/мягкости, в латышском – только две таких пары. Русский билингв переносит на второй язык произносительные навыки и закономерности фонетики родного языка, в котором перед гласными переднего ряда могут находиться только мягкие согласные, что не характерно для латышского языка, где мало палатальных согласных и с гласными переднего ряда сочетаются как мягкие, так и твердые согласные. В этой зоне факты интерференции наиболее многочисленны и регулярны: *sīkums* ‘мелочь’, латыш. фонема /s/ не имеет мягкой пары, русский билингв произносит полумягкий / мягкий [sʲi] / [sʲi]kums; *tīrs* ‘чистый’, латыш. фонема /t/ не имеет мягкой пары, билингв произносит полумягкий [tʲi]rs или мягкий [tʲi]rs; *mīļš* ‘милый’, латыш. фонема /m/ не имеет мягкой пары, билингв произносит [mʲi]ļš (сверхдифференциация сочетается с недодифференциацией – во всех словах долгий корневого гласный заменяется кратким) и т.п.

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ИЛИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ, РАЗЛИЧИЙ: ЛАТЫШСКО-РУССКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Реинтерпретация, или переосмысление, различий наблюдается в тех случаях, когда билингв «различает фонемы вторичной

²⁶ Р.И. Аванесов, *Русское литературное произношение*, Просвещение, Москва 1984, с. 55.

системы по тем признакам, которые для неё являются лишь сопутствующими или избыточными, тогда как для его первичной системы они релевантны»²⁷. Иными словами, реинтерпретация различий имеет место, когда билингв различает фонемы вторичной языковой системы на основе признаков, которые значимы в первичной системе, а для вторичной нехарактерны. Представление о фонеме как о наборе дифференциальных признаков позволяет билингву использовать признаки фонем исходного языка для различения фонем во вторичном языке.

В ситуации латышско-русской интерференции, когда исходным языком является латышский, а вторичным — русский, реинтерпретация (переосмысление) различий регулярно проявляется при произношении гласных в потоке речи. Краткие латышские гласные *e, i, u, o, a* коррелируют с соответствующими русскими гласными по дифференциальным признакам ряда, подъема, огубленности, но иначе функционируют в речи. Все латышские гласные различаются и в ударном, и в безударном слоге, тогда как в русском языке все гласные фонемы различаются только под ударением, а в **безударном положении различаются** лишь три фонемы верхнего подъёма — *и, у, ы*. Гласные *о, е, а* в безударном положении (в соответствии с основным законом русского вокализма) подвергаются редукции, то есть нейтрализуются по признакам подъёма, ряда, огубленности, например, *молодóй* [mʲɔlˈdɔj]²⁸ — безударный *о* становится более задним и нижним и теряет огубленность; *великолéпный* [vʲɛlˈkɔlˈɛpnɨj] — гласный *е* становится более верхним; *горячéе* [gɔrˈiːt͡ɕʲɛj] (наречие в сравнительной степени) — гласный *а* становится более передним и верхним, ср. *а* в ударном слоге: *горяч́ий* гор[ˈá]чий.

В латышском языке гласные во всех слогах произносятся одинаково отчётливо, не редуцируются, то есть сохраняют в потоке речи первичные дифференциальные признаки (ряд, подъем, огубленность, долготу / краткость), тогда как по нормам русского языка первичные признаки гласных изменяются в безударных слогах. В русской речи латыш-билингв опирается на качество неизменности первичных дифференциальных признаков гласных родного языка и произносит приведенные выше русские слова следующим образом: [molodój], [velikolˈɛpnij], [gorˈaːt͡ɕejɐ].

²⁷ У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с. 46.

²⁸ Безударные гласные *о, а, е* разной степени редукции обозначаются в транскрипции по системе Л.В. Щербы.

При этом по принципу недодифференциации мягкие русские согласные фонемы замещаются твердыми.

Чтобы объяснить эти и аналогичные явления, мы должны обратиться к некоторым вопросам теории словесного ударения. Отчётливое произношение билингвом-латышом русских безударных гласных, особенно в первом слоге, неразличение редукции гласных *a*, *o*, *e* (и степеней редукции) в безударных слогах связано с различным характером словесного ударения в русском и латышском языках. Известно, что в зависимости от способа выделения ударного слога различают три типа словесного ударения: динамическое, музыкальное и количественное. При количественном ударении ударный слог, по сравнению с безударным, удлиняется. При музыкальном ударении ударный слог выделяется изменением высоты тона (повышением или понижением тона). Динамическое ударение осуществляется усилением мускульного напряжения при артикуляции, которому может сопутствовать усиление выдоха, или воздушности (большее количество выдыхаемого воздуха)²⁹. В акустическом отношении оно «представляет собой усиление ударенного элемента, т.е. его относительную громкость»³⁰. По месту в слове различают свободное (или разноместное) и связанное (фиксированное) ударение.

Известно, что в русском языке ударение по месту в слове — свободное, или разноместное, и подвижное; по способу выделения ударного слога — количественно-динамическое, и количественный момент в природе русского ударения имеет первостепенное значение, что доказано экспериментально. Ударные гласные в русском языке отличаются от безударных и количественно (ударный гласный относительно длиннее безударного), и качественно (безударные подвергаются редукции).

По свидетельству латвийских фонетистов, «в латышском языке выделение достигается более громким и сильным произношением соответствующих слогов. С этой точки зрения ударение в латышском языке характеризуется как динамическое. По месту ударения в слове [...] связанное»³¹. Когда-то словесное ударение в латышском языке было свободным, но в ходе исторического развития языка оно стабилизировалось на первом слоге,

²⁹ Л.Р. Зиндер, *Общая фонетика...*, с. 296.

³⁰ Л.Р. Зиндер, *Общая фонетика...*, с. 294.

³¹ A. Laua, *Latviešu literārās...*, с.108.

не считая некоторых исключений³². Как это часто бывает в языках с динамическим ударением, ему сопутствует и количественный фактор. Количественные соотношения вокалов в ударных и неударных слогах экспериментально исследовались: «краткие ударные гласные обычно в полтора раза длиннее, чем безударные; они соотносятся как 1,1 / 1,9:1. В ударном слоге доминируют полудолгие количественные варианты кратких гласных»³³; краткий неударный и краткий ударный соотносятся как 1:1,5; долгий неударный гласный и ударный гласный — как 3:3,5³⁴.

Динамическое ударение в латышском языке тесно связано с таким самобытным просодическим явлением, как слоговая интонация. Тонируются долгие слоги, то есть слоги с долгими монофтонгами, дифтонгами или дифтонгическими сочетаниями кратких гласных с сонорными. Интонационное разнообразие не хаотично, а формирует чёткую систему. В каждом диалекте отмечается своя система интонаций. В частности, среднелатышский диалект, на основе которого сформировался латышский литературный язык, характеризуется системой трёх интонаций (протяжённая, нисходящая и прерывистая), но в литературном языке доминирует система двух интонаций (протяжённая и непротяжённая). Отчетливее всего интонация слышится на ударном (первом) слоге³⁵.

Итак, хотя в отношении латышского языка мы не можем говорить о музыкальном ударении, тем не менее можем предположить, что динамическое ударение, сочетаясь с интонационным выделением ударного слога, приобретает некоторые качества музыкального. Выделение первого слога в сочетании со слоговой интонацией определенным образом ритмизируют латышскую речь. Именно благодаря слоговой интонации латышские гласные, в целом, произносятся более напряжённо и отчётливо, чем русские гласные³⁶. Я. Розенбергс, непосредственно сравнивая артикуляцию русских и латышских кратких и долгих гласных, отмечает, что относительно русских долгие латышские гласные произносятся с ещё большим напряжением артикуляционного

³² I. Auziņa, *Latviešu valodas gramatika...*, с. 120.

³³ E. Liepa, *Vokālisms un zilbju kvantitāte latviešu literārajā valodā*, Zinatne, Rīga, 1979, с. 19.

³⁴ A. Laua, *Latviešu literārās...*, с. 25.

³⁵ I. Auziņa, *Latviešu valodas gramatika...*, с. 104–105.

³⁶ М. Семенова, *Сопоставительная грамматика...*, с. 29.

аппарата, чем краткие, особенно это относится к гласным переднего ряда *i*, *e*³⁷. Таким образом, напряжение артикуляционного аппарата при произношении гласных у билингва-латыша значительно больше, чем это необходимо для русских гласных, поэтому его русская речь отчетливая, без редукции гласных, с дополнительным выделением первого слога.

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ИЛИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ, РАЗЛИЧИЙ: РУССКО-ЛАТЫШСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

В обратной ситуации русский билингв произносит латышские гласные, опираясь на фонетический закон исходного языка, то есть таким образом, что в безударных слогах гласные претерпевают редукцию. Качественные изменения первичных дифференциальных признаков в потоке речи обязательны для исходной системы, поэтому гласные (соотносимые с русскими по дифференциальным признакам ряда, подъема, огубленности) в латышской речи русского билингва в безударном положении подвергаются редукции: *liktenis* ‘судьба’, *dzīvnieks* ‘животное’, *sarunāties* ‘договориться’; интерференцию отражает транскрипция к каждому из трех слов — [l'ikt'ɛn'ɤs], [dz'iv'n'ɤjks], [sárunɔt'ijɤs]³⁸.

СУБСТИТУЦИЯ, ИЛИ ЗАМЕНА, ЗВУКОВ: ЛАТЫШСКО-РУССКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И РУССКО-ЛАТЫШСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Субституция звуков «происходит с теми фонемами, которые в обоих языках определяются одинаково, но в их нормальном произношении существуют различия»³⁹. Например, латышская /i/ и русская /и/ эквивалентны: обе фонемы переднего ряда верхнего подъема, но латышская /i/ акустически более низкого тона⁴⁰. В русской речи латыша *и* также имеет более низкий тон, что перцептивно улавливаются монолингвами — средними носителями русского языка: *бить* (ср. латыш. *sit* ‘бить’),

³⁷ J. Rozenbergs, *Latviešu un krievu...*, с. 8, 11.

³⁸ Безударные гласные обозначены по системе Л.В. Щербы.

³⁹ У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с. 46.

⁴⁰ J. Rozenbergs, *Latviešu un krievu...*, с. 8.

миг (ср. латыш. *mirkļis* ‘миг’) и др. Русская /ч’/ и латышская /č’/ — мягкие фонемы, однако, в силу нюансов артикуляции русская фонема реализуется мягче, чем латышская — *человек*, *чудо*, *чай*, поэтому фонема /ч’/ в русской речи латыша на слух монолингва воспринимается как недостаточно мягкая, а /č’/ в латышской речи русского билингва, наоборот, как избыточно мягкая. Другие русские и латышские шипящие /ж/–/ž/ и /ш/–/š/ — коррелирующие твёрдые фонемы, но реализация /ž/ и /š/ в латышском языке несколько мягче, чем реализация /ж/ и /ш/ в русском: на слух среднего носителя русского языка эти шипящие в русской речи латыша звучат мягче, чем следует — *жизнь*, *шина*; соответственно в латышской речи русского билингва /ž/ и /š/ воспринимаются монолингвом, напротив, как слишком твёрдые — *šurp* ‘сюда’, *šūšana* ‘шитье’, *žēlot* ‘жалеть’, *žogs* ‘забор’.

Выше говорилось, что в латышском консонантизме есть мягкие фонемы /ġ/ и /ķ/, не имеющие твёрдой пары, которые близки по дифференциальным признакам русским палатальным /д’/ и /т’/, но не совсем с ними эквивалентны: по активному органу образования фонем и русские, и латышские характеризуются как язычные, но все-таки несколько различаются, так как латышские являются среднеязычными⁴¹, а русские — переднеязычными. У русского билингва нет нужных артикуляционных навыков для правильного произношения латышских /ġ/ и /ķ/, поэтому он заменяет их русскими фонемами /д’/ и /т’/, например, в словах: *ġimene* ‘семья’, *ġērbties* ‘одеваться’, *kaķis* ‘кошка’, *ķermenis* ‘тело’, *mērķis* ‘цель’ и т.д. Эту замену перцептивно улавливает средний носитель латышского языка. В свою очередь, русский монолингв в русской речи латыша-билингва замечает на слух подмену русских /д’/ и /т’/ в словах *дети*, *тебе*, *десять* и т.д. Действительно, не обладая навыками произношения русских мягких согласных, латыш-билингв заменяет их близкими латышскими фонемами /ġ/ и /ķ/.

Типология Вайнрайха содержит потенциал для прогнозирования тех нарушений, которые вызывают непонимание смысла речи билингва, говорящего на втором языке. У.Вайнрайх указывает, что из всех типов фонетической интерференции только недодифференциация фонем «неизменно вызывает у одноязычного слушателя дезориентацию», которая, впрочем,

⁴¹ I. Auziņa, *Latviešu valodas gramatika...*, с. 73.

«компенсируется контекстом»⁴². Действительно, в латышском языке оппозиция кратких и долгих гласных выполняет смысло-различительную функцию, например, *kazas* ‘kozy’, (Pl.) — *kāzas* ‘свадьба’; *sals* ‘мороз’ — *sāls* ‘соль’, *lava* ‘лава’ (геол.) — *lāva* ‘полка в бане, на которой парятся’, поэтому смешение фонем в латышской речи русского билингва по принципу недодифференциации, то есть замена долгих гласных краткими, которые есть в первичной системе (в русском языке), приводит не только к нарушениям фонетической нормы, но и к нарушению смысла высказывания, а значит, к непониманию в коммуникации.

Типология фонетической интерференции Вайнрайха, безусловно, имеет методологическое значение в сопоставительно-типологических и прикладных исследованиях: последовательное применение данной типологии к любым контактирующим индоевропейским языкам позволяет теоретически «вычислять» потенциальные зоны интерференции, прогнозировать нарушения фонетической нормы второго языка (что очень важно для предупреждения отклонений от нормы), объяснять и систематизировать значительную часть фактов фонетической интерференции.

Сокращения

СПбФШ - Санкт-Петербургская (Ленинградская) фонологическая фонологическая школа

латыш. — латышский

МФШ — Московская фонологическая школа

рус. — русский

см. — смотри

указ. соч. — указанное сочинение

Tatiana Stoikova

INTERFERENCJA JĘZYKA ŁOTEWSKIEGO I ROSYJSKIEGO W ŚWIETLE METODOLOGII URIELA WEINREICHA

Streszczenie

Autorka dokonuje próby uogólnienia i usystematyzowania łotewsko-rosyjskiej i rosyjsko-łotewskiej interferencji fonetycznej na podstawie metodologii Uriela Weinreicha. Zcharakteryzowano także strefy interferencji. Typologia opisuje cztery typy interferencji: niedostateczną dyferencjację fonemów, nadmierną dyferencjację fonemów, re-interpretację cech dystynktywnych, substytucję dźwięków. Może być ona zastosowana jako skuteczne narzędzie analizy dowolnych języków znajdujących się w kontakcie.

⁴² У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с. 49.

ИЗУЧЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ...

Tatiana Stoikova

STUDYING OF AN INTERFERENCE OF THE RUSSIAN AND LATVIAN LANGUAGES IN THE LIGHT OF URIEL WEINREICH'S METHODOLOGY

Summary

The author makes an attempt to generalize and systematize the phenomena of the Latvian-Russian and the Russian-Latvian phonetic interference on the basis of Weinreich's methodology. The interference zones are also characterized. The typology includes four types of interference: insufficient differentiation of phonemes, superdifferentiation of phonemes, reinterpretation of distinctions, substitution of sounds. The given typology can be applied as an effective tool in linguistic research of interference of any two languages in contact.